

ДИСКУССИИ О ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ: АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ И СТРАТЕГИЙ ОБОСНОВАНИЯ*

Л. В. Томин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
Социологический институт РАН — филиал Федерального
научно-исследовательского социологического центра РАН,
Российская Федерация, 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25/14

Статья посвящена исследованию концептуальных различий интерпретации понятия «технологический суверенитет». В последние годы многие государства провозглашают в качестве стратегического приоритета и одной из целей долгосрочного развития достижение технологического суверенитета. При этом в научной литературе по данной теме, при наличии публикаций обзорного характера и исследований конкретных кейсов, не хватает анализа концептуальных различий. В стратегических документах, концепциях государств и публичном дискурсе артикуляция понятия «суверенитет» в технологической сфере варьируется от варианта, по смыслу близкого к автаркии, до политики поддержания конкурентной среды и диверсификации зарубежных поставщиков критических технологий. В качестве методологической основы исследования нами была выбрана концепция проблематики, разработанная в рамках французской традиции исторической эпистемологии (Ж. Мартин, Л. Альтюссер, Д. Лекур). Ее инструментарий позволяет эксплицировать внутреннюю структуру и взаимосвязь понятий в рамках отдельных интерпретаций и логику публичных стратегий обоснования. На примере Европейского союза в статье дается анализ новой интерпретации суверенитета как агентности, кроме того, исследована ее связь с постулатами немецкого ордолиберализма. Кейсы Бразилии и Индии изучаются как две различные модели обоснования политики технологического суверенитета в контексте осмысления центр-периферийных отношений в мировой экономике и постколониализма.

Ключевые слова: суверенитет, технологии, конкуренция, национализм, идеология, нарратив идентичности.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы понятие «технологический суверенитет» стало одним из центральных в различных политических и академических дискуссиях [Diesen, 2021]. Региональные вооруженные конфликты, торговые войны и пандемия коронавируса серьезно повлияли на контекст и диспозиции в спорах о будущем мировой экономики и глобальных цепочек создания стоимости [World Development Report 2020].

* Работа выполнена при поддержке гранта ЭИСИ «Доказательная политика технологического суверенитета и доверие: исследование публичных стратегий обоснования».

Одним из пробелов в исследованиях проблематики технологического суверенитета, сравнительных или выполненных на материале одного кейса, является недостаточное внимание к концептуальным различиям. В связи с этим во многих публикациях в качестве вывода констатируется наличие соответствующих государственных программ развития, направленных на достижение технологического суверенитета, анализируются чисто экономические и/или технологические аспекты проблемы.

В последние годы мы наблюдаем пролиферацию новых терминов, размывающих привычные для нас смысловые рамки понятия суверенитет («информационный суверенитет», «цифровой суверенитет», «когнитивный суверенитет», «продовольственный суверенитет») [Gerbaudo, 2021, p. 68–75]. Возможно, это является одной из причин появления публикаций, в которых перечисляются через запятую или объединяются страны с совершенно разными подходами к политике технологического суверенитета. После предварительного отбора было выбрано три кейса, наиболее подходящих для экспликации концептуальных различий политики технологического суверенитета (Европейский союз, Бразилия, Индия). Поскольку нас интересуют ситуации, когда смысловое наполнение исследуемого понятия выходит за традиционные рамки, заданные логикой прямого контроля территории и потоков (экономических, информационных), мы не будем рассматривать примеры КНР и Российской Федерации [Балаян, Томин, 2020, с. 107–108].

МЕТОДОЛОГИЯ

В качестве методологической основы исследования мы используем понятие «проблематика», разработанное в рамках одного из направлений французской традиции исторической эпистемологии (Ж. Мартин, Л. Альтюссер, Д. Лекюр). Проблематика существует в форме связанных друг с другом концептов, в определенной исторической конъюнктуре. Она определяет границы, внутри которых рассматриваются проблемы и формулируются новые идеи [Lecourt, 2015, p. 71–84]. Каждая проблематика имеет свою структуру, ее элементы необходимо рассматривать реляционно, а не изолированно друг от друга.

«Слово или понятие не должны рассматриваться изолированно; они существуют только в определенных теоретических или идеологических рамках, т. е. проблематике. Следует подчеркнуть, что проблематика — это не мировоззрение. Это не сущность мысли отдельного индивида или эпохи, которая может быть выведена из совокупности текстов посредством эмпирического, обобщающего прочтения, он сосредоточен на отсутствии проблем и понятий внутри проблематики, а не только на их наличии» [Althusser, Balibar, 2009, p. 354].

Проблематика не только задает структуру и пространство формулировки вопросов, ее анализ («симптомальное чтение») позволяет выявлять лакуны, которые временно заполнены идеологическими постулатами вместо научных понятий. Проблематика может быть как научной, так и идеологической, ниже при рассмотрении отдельных кейсов мы постараемся выявить идеологические элементы и проанализировать их роль. Выбранная методология подходит в ка-

честве основы для эмпирического исследования различных кейсов с помощью дискурс-анализа [Macdonell, 1991, p. 43–59] или исторической социологии понятий [Бикбов, 2014, с. 9–26].

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Доминирующий в управленческих структурах Европейского союза дискурс технологического суверенитета артикулирован в смысловом пространстве, основанном на интеллектуальной традиции немецкого ордолиберализма [Wörtsdörfer, 2020]. Для политической рациональности ордолиберализма ключевой функцией эффективного государства и экономики является установление и воспроизводство конкурентной среды. Поэтому важная роль отводится мерам, предотвращающим чрезмерную концентрацию и монополизацию различных отраслей [Dardot, Laval, 2017, p. 85–87].

Авторы критического доклада о политике технологического суверенитета ЕС отмечают, что сегодняшний подход руководящих органов основан на «долгой традиции протестантского и светского ордолиберального понятия “социальная рыночная экономика”, постулирующего, что рыночная конкуренция не искажается последовательными расширениями Европейского союза и, тем более, приходом цифровой эпохи. В соответствии с ордолиберальной линией немецких христианских демократов и Европейской народной партии (ЕНП) в лице Ж.-К. Юнкера, европейская политика делала упор на “инициативу личности”, “эффективность” и “конкуренцию” и свободный рынок <...>. Усиление социально-экономической идеологии классического ордолиберализма соединялось с неолиберализмом основных консервативных партий Европы при каждом расширении ЕС, до тех пор, пока этот дискурс не стал гегемонистским» [Europe’s Third Way to Technological Sovereignty..., 2022, p. 15–16].

Технологический суверенитет должен стать основой успешного развития в рамках глобальной экономической конкуренции, которая в последние годы приобрела дополнительное измерение за счет обострения политических разногласий на международной арене. Исходя из этих предпосылок структурная зависимость или не диверсифицированная модель импорта в технологической сфере рассматриваются как потенциально опасные ограничения агентности (agency) государства. Технологический суверенитет согласно одному из распространенных определений — это «способность государства или федерации государств обеспечить себя (произвести или приобрести) критически важными технологиями, усиливающими конкурентоспособность. Возможность действовать и развиваться без односторонней структурной зависимости» [Technology Sovereignty..., 2020, p. 10–11].

В логике данной дискурсивной формации технологический суверенитет не противоречит приверженности политике открытых рынков и не требует пересмотра базовых экономических постулатов. Увеличение роли государства и объема бюджетных расходов в технологической сфере рассматривается как необходимая временная корректировка рыночных процессов в период масштабной трансформации технологического уклада.

Примеров подобной стратегии и логики обоснования множество, приведем фрагмент из работы авторитетного специалиста по инновационной политике. Я. Эдлер и его коллеги, предвидя возможные возражения, замечают: «...несмотря на это, нельзя прийти к выводу, что господствующая либеральная экономическая теория ошибочна в продвижении открытых рынков и обмена. Однако некоторые из его предпосылок упрощены. В периоды динамичных технологических изменений и вызовов глобальной институциональной системе требуется более дифференцированный подход, особенно если они совпадают с преобладанием конкурирующих ценностных и экономических систем, в этом смысле предлагаемый нами подход к технологическому суверенитету не противоречит парадигме открытости и сотрудничества, это скорее попытка уточнить ее в динамических рамочных условиях» [Edler et al., 2021, p. 11].

Приверженность политике открытых рынков дополнительно подчеркивается во многих документах и исследованиях посредством критики подходов, связывающих технологический суверенитет с протекционизмом или автаркией. Для этого проводится концептуальное различие между двумя интерпретациями понятия «суверенитет»: суверенитет как агентность и суверенитет как автаркия. Это означает возможность доступа к технологиям (их покупку или производство) с помощью комбинированной стратегии развития внутреннего производства и диверсификации импорта. Главное — акцент делается на опасности структурной зависимости от политически неблагонадежных (politically untrustworthy) государств [Edler et al., 2021, p. 5–9].

Примером политики технологического суверенитета, понимаемого как сохранение и усиление агентности Европейского союза, являются меры по преодолению зависимости от китайской корпорации Huawei в области цифровой инфраструктуры (оборудование для сетей 5G). На внутреннем рынке они направлены на формирование общей стратегии развития и кооперацию существующих производств (Nokia, Ericsson, Adva Optical Networking). Основной целью политики на внешних рынках станет диверсификация цепочек поставки компонентов сетей 5G с ориентацией на дружественные государства (Южная Корея, США).

Ордолиберальная основа политики ЕС проявляется в активной антимонопольной политике в отношении платформенных IT-компаний. С 1 ноября 2022 г. начинается имплементация регламента ЕС о цифровых рынках¹. Он вводит новые правила функционирования операционных систем, социальных сетей, веб-браузеров, магазинов приложений и мессенджеров. Регламент может стать серьезным вызовом для существующей бизнес-модели «капитализма платформ», основанной на монетизации пользовательских данных и монополизации отдельных сфер посредством «сетевых эффектов» [Томин, 2019, с. 486].

¹ Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act). Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/1925> (accessed: 25.11.2022).

Регламент запрещает без согласия пользователей отслеживать их цифровые следы за пределами конкретной платформы с целью демонстрации персонализированной рекламы. Кроме того, платформенным компаниям будет запрещено использовать свою экосистему для приоритетного продвижения собственных продуктов. Пользователь будет иметь право устанавливать сторонние приложения (магазины приложений), рекламодатели смогут привлекать независимых экспертов для оценки эффективности своих маркетинговых кампаний на платформах. Определены минимальные показатели, позволяющие выделить доминирующие IT-платформы: месячная аудитория (45 млн пользователей), годового оборот (7,5 млрд евро) и капитализация (75 млрд евро).

В ближайшие полгода будет определен список компаний, ограничивающих конкуренцию за счет закрытой экосистемы и «сетевых эффектов». Им будет дан шестимесячный срок для корректировки своих бизнес-практик в соответствии с требованиями регламента, для нарушителей предусмотрены штрафные санкции: до 10% от годового оборота за первое нарушение и до 20% за повторное нарушение². Регламент направлен на формирование конкурентной открытой среды и развитие единого европейского цифрового рынка. Исследование данного кейса раскрывает специфику интерпретации понятия «технологический суверенитет» в Европейском союзе, связанную с идейным наследием немецкого ордолиберализма. Европейский союз столкнулся с вызовом своей долгосрочной стратегии экономического развития, вновь стал актуален вопрос его политической субъектности. Интерпретация суверенитета как агентности в различных сферах связана с вынужденной коррекцией политики, основанной на принципе открытых рынков, и противоречивым процессом формирования постнационального нарратива европейской идентичности.

БРАЗИЛИЯ

Идейный фундамент политики технологического суверенитета в Бразилии состоит из двух основных блоков: концепция догоняющей авторитарной модернизации и теория зависимого развития. При всех различиях, их объединяет констатация факта исторически сложившейся зависимой (периферийной) модели бразильской экономики и поиск путей выхода из этого положения.

Первая традиция берет свое начало в эпоху правления президента Жетулиу Варгаса (1930–1945). Авторитарный корпоративизм Ж. Варгаса был основан на идее особого бразильского национального будущего. Это идеология национальной модернизации, провозглашающая возможность избежать негативных эффектов (атомизация, классовый конфликт), присущих европейской либерально-демократической модели. В национал-популизме Ж. Варгаса бразильский народ виделся как холистическое единство или органическое тело, не

² Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act). Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/1925> (accessed: 25.11.2022).

разделенное антагонистическими противоречиями. В реальности механизмом социальной интеграции «опасных классов» были выстроенные режимом корпоративистские структуры, прежде всего профсоюзы.

«Бразилия олицетворяла иной вариант политического развития, так как «мы с непоколебимой верностью поддерживали ритм нашего священного союза. Ничто не разделяло нас, ничто не обладало даром ослабить узы, связывающие нас в неразрывную цепь. Бразильское единство — это нерушимая догма и пример, который послужит компасом на будущее». Подобные идеи во второй половине 1930-х годов становились центральными в политическом дискурсе официального политического воображения авторитарного режима, основанного не только на ревизии самого концепта «демократия», но на ее последовательном отрицании, так как на смену ценностям либерализма приходили идеи, основанные на концепте культурного и политического превосходства Бразилии как альтернативы западной парламентской демократии» [Кирчанов, 2022, с. 17–18].

Экономическая политика «эпохи Варгаса», основанная на форсированном развитии промышленности и протекционизме, привела к снижению зависимости страны от импорта. После 1934 г. были введены элементы планирования в экономике, увеличены объемы прямых инвестиций государства. Государственные компании и структуры со значительным участием государства доминировали в тяжелой промышленности (нефтяная и химическая промышленность, металлургия, добыча полезных ископаемых) и инфраструктурных отраслях (электроэнергетика). Концепция «особого пути», лежавшая в основании идеологии авторитарного режима Ж. Варгаса, соединяла вместе нарративы идентичности и экономического национализма. Влияние подобных идей не закончилось после свержения Ж. Варгаса, в несколько измененном варианте они воплощались позже в период президентства Жуселину Кубичека (1956–1961).

«В.М. Лосада Морейра подчеркивает, что одной из центральных идей в общественно-политическом дискурсе Бразилии была идея самодостаточности, автаркии, необходимости достижения экономического роста собственными силами. В подобной ситуации национализм воспринимался как универсальное идеологическое обоснование экономического роста и развития, достижимого благодаря государственному вмешательству в экономику. Примером подобной политики признается авторитарный режим Жетулиу Варгаса, который актуализировал ценности бразильского национализма, способствуя их синтезу с задачами развития национальной экономики» [Кирчанов, 2011, с. 72].

Вторая интеллектуальная традиция, сформировавшая проблематику, в границах и понятиях которой ведутся дискуссии о технологическом суверенитете, — это теория зависимого развития. Основное направление их исследований — изучение центр-периферийных отношений в мировой экономике. Его ведущие теоретики считали, что национальная экономика не может рассматриваться как самостоятельная единица анализа. Причины формирования зависимой (периферийной) модели капитализма в государствах Южной Америки они предлагали искать в структурных факторах, определяющих модель интеграции экономик континента в глобальный рынок. Теория зависимого развития сформировалась в кругу исследователей, сотрудничавших с Экономической комиссией

сией ООН для Латинской Америки (ЭКЛА) [Gilman, 2007, p. 235–236]. Исполнительным секретарем ЭКЛА в период 1950–1962 гг. был аргентинский экономист Рауль Пребиш, сыгравший важнейшую роль в разработке и обосновании политики импортозамещения (import substituting industrialization). Среди бразильских экономистов и социологов его идеи продолжают и сегодня пользоваться значительной популярностью.

«Среди бразильских авторов доминирует мнение, что концепции Р. Пребиша в значительной степени универсальны и применимы для изучения экономических процессов в Бразилии. В связи с этим подчеркивается, что “не вызывает сомнения тот факт, что Бразилия находилась среди тех стран, которые испытали особое влияние со стороны идей Рауля Пребиша”. Бразильские исследователи полагают, что научное наследие Р. Пребиша является актуальным в современной Бразилии, которая, начиная с 1990-х годов, пыталась проводить политику либерализации и открытия рынков» [Кирчанов, 2013, с. 20].

Из бразильских теоретиков зависимого развития первое место по значимости занимает Ф. Кардозо, предложивший концепцию «связанного зависимого развития» (associated dependent development). Ф. Кардозо полагал, что одним из определяющих факторов формирования хозяйственной модели «связанного зависимого развития» является особый тип связей между буржуазией периферии и экономикой развитых стран. Они блокируют развитие независимых экономик, поскольку, с одной стороны, облегчают доступ на рынки для иностранного капитала, с другой — закрывают доступ продукции государств периферии на внутренние рынки развитых стран. В подобных условиях трансфер технологий также не приносит положительных эффектов. Ф. Кардозо уделял большое внимание внутренним факторам, прежде всего формированию широкой коалиции — «альянса развития» («десаролистский альянс») заинтересованных в автономном развитии страны [Кардозо, Фалетто, 2002, с. 183]. Бразильские леворадикальные экономисты (Т. Душ Сантуш, Р. Марини) критиковали меры, предлагаемые теоретиками зависимого развития, как недостаточные и видели единственный выход в переходе к социализму.

Политические элиты Бразилии в 1990-е годы провели экономическую либерализацию торговли, приватизацию и в целом стали ориентироваться на неолиберальные экономические постулаты (бюджетная консолидация, таргетирование инфляции, плавающий обменный курс). В 2000-е, после прихода к власти представителей Партии трудящихся (И. Лула да Сильва, Д. Руссеф), произошла коррекция неолиберального курса. В конце 2003 г. администрацией Лулы да Сильва был разработан план промышленной, технологической и внешнеторговой политики (Política Industrial, Tecnológica e de Comércio Exterior). Для координации работы министерств при его реализации было создано Бразильское агентство промышленного развития. План носил компромиссный характер, в нем сохранялись элементы политики открытых рынков, в частности большое внимание уделялось задаче повышения международной конкурентоспособности бразильских товаров.

В мае 2008 г. стартовала масштабная Программа производственного развития (Política de Desenvolvimento Produtivo), ее ключевым инструментом стал Национальный банк экономического и социального развития (BNDES).

Одна из целей данной программы — сделать бразильские компании глобальными лидерами в металлургии, авиастроении и производстве биотоплива. Страну ощутимо затронули последствия мирового экономического кризиса, в 2008 и 2011 гг. наблюдался резкий спад динамики промышленного производства. В сентябре 2011 г. правительство, для того чтобы стимулировать внутренний рынок промышленных товаров и инвестиции в технологии и инновации, временно увеличило (на 30 %) налог на промышленную продукцию для товаров, менее 65 % добавленной стоимости которых создано на территории Бразилии, стран МЕРКОСУР или в Мексике.

Кроме того, в период президентства Д. Руссеф для ограничения потока дешевой продукции из стран Азии, прежде всего КНР, был введен ряд мер по защите внутреннего рынка (специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные). Об усилении роли государства в экономике свидетельствует рост объема кредитования различных проектов со стороны Национального банка экономического и социального развития [Красильщиков, 2018, с. 55–56].

В 2011 г. был инициирован План Большой Бразилии (Plano Brasil Maior), в нем значительно расширился перечень приоритетных отраслей и технологий, которым государство будет оказывать поддержку: нефте- и газодобыча на шельфе (Petrobras), авиастроение (Embraer S. A.), телекоммуникации и информационные технологии (CPQD), фармацевтика (Ache, EMS Pharma, Eurofarma, Sanofi) и биоэтанол (ADM, Copersucar, Poet Biorefining, Valero Renewable Fuels, Odebrecht Agroindustrial, Raízen). Политика технологического суверенитета Бразилии — это гибрид, состоящий из элементов неолиберальной и кейнсианской моделей, динамика которого отражает меняющееся соотношение сил в элите и обществе.

ИНДИЯ

С 2014 г., после того, как победу на выборах одержала Индийская народная партия и премьер-министром стал Нарендра Моди, политика страны сочетает неолиберальную экономическую политику и идеологию индийского национализма [Kaul, 2017, p. 528–531]. Политика технологического суверенитета Индии связана, как и в «эпоху Варгаса» в Бразилии, с нарративом национальной идентичности. В дискурсе публичной политики ее обоснования присутствует проблема центр-периферийных отношений в мировой экономике, но акцент в большей степени делается на специфике постколониального положения страны.

Выходцы из Индии в последние десятилетия внесли огромный вклад в формирование отдельного междисциплинарного направления исследований — postcolonial studies [Moore-Gilbert, 1997]. Его проблемное поле организовано вокруг изучения политико-экономического и культурного наследия европейского колониализма, особенно связи между знанием и властью. Исследования постколониализма направлены на критику универсализма, они подчеркивают, что теории, сформулированные западными авторами, являются продуктом специфического европейского «жизненного мира» (Lebenswelt). Их проекция на постколониальные общества не дает адекватного понимания

их специфики, и, более того, есть форма «культурного империализма» [Чакрабартти, 2021, р. 75–114].

Критика европоцентризма и проблематика постколониализма изначально возникли в среде леворадикальных индийских мыслителей, разочаровавшихся в классическом марксизме. Со временем отдельные элементы этого критического дискурса стали апроприироваться различными политическими силами, в том числе националистическими. Концепты и терминология в новом контексте трансформировалась из научных в идеологические и инструментально использовались в качестве аргументации, призванной нейтрализовать критику, особенно внешнюю. Например, критику со стороны международных организаций нарушений прав человека (женщин, этнических меньшинств). Понятие культурного различия, созданное для исследования сложных отношений между внутренними и внешними факторами и антагонизмами, стало в национал-популистском дискурсе риторическим инструментом априорной дисквалификации внешних оценок и суждений. В индийской публичной политике дискурсивное поле обсуждения политики технологического суверенитета является гетерогенным, где одинаковые по виду понятия используются в различных смысловых цепочках.

Технологический суверенитет в индийском контексте в основном связан со сферой IT, в нем центральную роль играет дискуссия о цифровой инфраструктуре и платформах. Доминирующий в других сферах неолиберальный подход здесь корректируется с учетом опасности «цифровой колонизации» страны. Бизнес-модели иностранных платформенных компаний рассматриваются в качестве продолжения колониальных практик. «Бывший сотрудник SAGI International Клайв Хамби придумал девиз “данные — это новая нефть”». Данный нарратив повсеместно продвигали, чтобы убедить нас — данные подобны неисчерпаемому природному ресурсу, помогающему питать нашу экономику. Позже, когда колонизированные территории начали осознавать, что, если данные — это нефть, суверенные нации не должны позволить IT-гигантам извлекать ее бесплатно. Тогда они придумали новый нарратив “данные скорее похожи на солнечный свет, чем на нефть”. Нас хотят убедить в том, что данные подобны солнечному свету, это бесконечный, никому не принадлежащий и не портящийся (unperishable) продукт, который можно собирать для прогресса человечества» [Gupta, Sony, 2021, р. 69–70].

Извлечение монопольной ренты IT-корпорациями, помимо контроля за технологиями, осуществляется с помощью внедрения стандартов через глобальные организации (IEEE, IEC). Экосистемы, созданные ведущими платформенными компаниями, рассматриваются как барьер, воспроизводящий центр-периферийную зависимую модель развития в цифровую эпоху.

«Технологии контролируются через экосистему, которая не допускает новых участников из незападного мира. Любая технология, созданная в любой точке мира, имеет тенденцию быть затянутой обратно в экосистему Запада» [Bhattacharya]. Иллюстрацией индийского понимания борьбы с «цифровым колониализмом» и извлечением монопольной ренты может являться конфликт с магазинами приложений (например, Play Market) по вопросу размера взимаемой комиссии.

Индийская политика технологического суверенитета в IT позиционирует себя как «третий путь», альтернатива по отношению к корпоративной американской модели «капитализма платформ» и политико-экономической системе цифровой автократии (КНР, Российская Федерация). Согласно официальной позиции — это попытка обеспечить справедливую конкуренцию для технологических компаний, сделать платформы более подотчетными и ответственными и при этом защитить права личности от государственного контроля. Индийская модель технологического суверенитета в IT не подразумевает формирования автономного национального сегмента интернета или фильтрации внешнего трафика. Среди государственных мер, формирующих новую систему правил, можно выделить: развитие дата-центров и национального домена, стимулирование внутреннего рынка цифровых сервисов.

Идеологический компонент доминирующей интерпретации политики технологического суверенитета в Индии присутствует в экономической и политической сферах. Если мы рассматриваем пользовательские данные как общедоступное благо (*common*) и не даем бесплатно извлекать платформенным компаниям, почему их нужно отдавать под контроль государства? Общественные блага (*commons*) могут быть альтернативой частной и государственной собственности, для которой необходимы новые общественные формы управления [Капра, Маттеи, 2021, с. 234–247]. В политической сфере противоречивость индийской официальной политики проявляется в мировом лидерстве по количеству случаев частичного и полного отключения интернета³ и попытках законодательно запретить сквозное шифрование в мессенджерах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политика технологического суверенитета в контексте комплексного международного кризиса (региональные вооруженные конфликты, торговые войны и последствия пандемии коронавируса) должна рассматриваться не только как прагматический набор мер экономической политики. Государства, находящиеся в различных кризисных ситуациях, нуждаются в «онтологической безопасности» [Mitzen, 2006], которая связана с нарративом идентичности, а следовательно, с идеологией. Понятие «технологический суверенитет» является «плавающим означающим» (*floating signifier*), научно очертить его границы и выявить «истинный» смысл невозможно. В будущих эмпирических исследованиях необходимо детально проанализировать концептуально различные варианты интерпретации, внутреннюю связь понятий и логику обоснования каждой дискурсивной формации.

Проблема «онтологической безопасности» особенно актуальна для государств, претендующих на важный статус на международной арене, постимперских или постколониальных стран. Проанализированные в статье примеры Бразилии и Индии доказывают связь политики технологического суверенитета с различными идеологиями (национал-популизм, девелопментализм). В госу-

³ *Internet Shutdowns*. URL: <https://internetshutdowns.in/> (дата обращения: 25.10.2022).

дарствах, находящихся в подобной ситуации, она становится частью символической политики, формирующей у граждан чувство «преемственности и целостности» (continuity and wholeness) истории страны и народа [Kinnvall, Mitzen, 2016, p. 7]. В постколониальных странах стратегия обоснования политики технологического суверенитета апеллирует к коллективным представлениям, использует исторические аналогии как когнитивные мосты. В конкурентной политической системе подобная «идеология развития» большой опасности не представляет, иное дело авторитарные националистические режимы, они могут соединять ее с исторической политикой, основанной на ресентименте, легитимизируя репрессии против оппозиции.

Литература

- Балаян А. А., Томин Л. В. Цифровая автократия. Институциональная специфика отношений государства и IT-компаний // Публичная политика. 2020. Т. 4, № 2. С. 101–115.
- Бикбов А. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 432 с.
- Капра Ф., Маттеи У. Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом. Опыт социологической интерпретации. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. 328 с.
- Кардозо Ф. Э., Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2002. 220 с.
- Кирчанов М. В. Политический язык бразильского авторитаризма 1930-х гг. // Древняя и Новая Романия. 2022. № 29. С. 8–24.
- Кирчанов М. В. Проблемы государственного регулирования развивающихся рынков в современной бразильской экономической теории // Современная наука. 2011. № 1. С. 71–73.
- Кирчанов М. В. Экономика, развитие и неравенство: «Брессер-перейринская» парадигма в контексте проблем центр-периферийного развития в современной бразильской экономической науке // Политические изменения в Латинской Америке. 2013. № 14. С. 16–22.
- Красильщиков В. А. Деиндустриализация в Бразилии: уроки для России // Экономическое возрождение России. 2018. № 3. С. 46–62.
- Томин Л. В. Отношения государства и корпораций в эпоху «капитализма платформ» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15, № 4. С. 483–496.
- Чакрабартти Д. Провинциализируя Европу. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 384 с.
- Althusser L., Balibar E. Reading Capital. London: Verso, 2009. 384 p.
- Bhattacharya J. Digital Colonisation: India needs to shatter technology hegemony of West, China. URL: <https://www.outlookindia.com/website/story/opinion-digital-colonisation-india-needs-to-shatter-technology-hegemony-of-west-china/359635> (дата обращения: 25.10.2022).
- Dardot P., Laval C. The New Way of the World: On Neoliberal Society. London, New York: Verso, 2017. 352 p.
- Diesen G. Great Power Politics in the Fourth Industrial Revolution: The Geoeconomics of Technological Sovereignty. London, New York: I. B. Tauris, 2021. 272 p.
- Eidler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy: Defining rationales, ends and means // Fraunhofer ISI Discussion Papers — Innovation Systems and Policy Analysis. 2021. No. 70. 35 p.
- Europe's Third Way to Technological Sovereignty. A Critique. Brussels: Transform! Europe. European network for alternative thinking and political dialogue, 2022. 41 p.
- Gerbaudo P. The Great Recoil. Politics after Populism and Pandemic. London, New York: Verso, 2021. 288 p.
- Gilman N. Mandarins of the Future: Modernization Theory in Cold War America. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2007. 344 p.

Gupta S., Sony R. Quest of Data Colonialism and Cyber Sovereignty: India's Strategic Position in Cyberspace // *Legal Issues in the Digital Age*. 2021. Vol. 2 (2). P. 70–81.

Kaul N. Rise of the Political Right in India: Hindutva-Development Mix, Modi Myth, and Dualities // *Journal of Labor and Society*. 2017. Vol. 20, iss. 4. P. 523–548.

Kinnvall C., Mitzen J. An introduction to the special issue: Ontological securities in world politics // *Cooperation and Conflict*. 2016. Vol. 52, iss. 1. P. 3–11.

Lecourt D. *Marxism and Epistemology*. Bachelard, Canguilhem, Foucault. London, New York: Verso, 2015. 230 p.

Macdonell D. *Theories of Discourse: An Introduction*. New Jersey: Wiley-Blackwell, 1991. 156 p.

Mitzen J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma // *European Journal of International Relations*. 2006. Vol. 12, iss. 3. P. 307–340.

Moore-Gilbert B. *Postcolonial Theory: Contexts, Practices, Politics*. London, New York: Verso, 1997. 244 p.

Technology sovereignty: From demand to concept, Perspectives – Policy Briefs. Fraunhofer Institute for Systems and Innovation Research, 2020. 28 p.

World Development Report 2020: Trading for Development in the Age of Global Value Chains. Washington, DC: World Bank, 2000. 293 p.

Wörsdörfer M. Ordoliberalism 2.0: Towards a New Regulatory Policy for the Digital Age // *Philosophy of Management*. 2020. Vol. 19 (2). P. 191–215.

Томин Леонид Владимирович — канд. полит. наук; leopolit@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 30 октября 2022 г.;

рекомендована к печати: 2 декабря 2022 г.

Для цитирования: Томин Л. В. Дискуссии о технологическом суверенитете: анализ концептуальных различий и стратегий обоснования // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2023. Т. 19, № 1. С. 22–35. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.102>

DISCUSSIONS ABOUT TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY: ANALYZING CONCEPTUAL DIFFERENCES AND JUSTIFICATION STRATEGIES*

Leonid V. Tomin

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Sociological Institute of the RAS — a branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the RAS,
25/14, 7-ya Krasnoarmeyskaya ul., St. Petersburg, 190005, Russian Federation;
leopolit@yandex.ru

The paper is devoted to the study of conceptual differences in the interpretation of the concept — “technological sovereignty”. In recent years, many states have proclaimed the achievement of technological sovereignty as a strategic priority and one of the goals of long-term development. At the same time, in the scientific literature on this topic, in the presence of review publications and case studies, there is a lack of analysis of conceptual differences. In strategic documents, state concepts and public discourse, the articulation of the concept of “sovereignty” in the technological sphere varies from a variant close to autarky in meaning to a policy of maintaining a competitive environment and diversifying foreign suppliers of critical technologies. As a methodological basis for the study, we chose the concept of problematics developed within the framework of the French tradition of historical epistemology (J. Martin, L. Althusser, D. Lecourt). Its toolkit makes it

* This paper was supported by the Expert Institute for Social Research, project “Evidence-based policy of technological sovereignty and trust: a study of public justification strategies”.

possible to explicate the internal structure and interconnection of concepts within the framework of individual interpretations and the logic of justification strategies in public policy. On the example of the European Union, a new interpretation of sovereignty as an agency was demonstrated, in addition, its connection with the postulates of German ordoliberalism was investigated. The cases of Brazil and India represent two different models for justifying the policy of technological sovereignty in the context of understanding center-periphery relations in the global economy and postcolonialism.

Keywords: sovereignty, technologies, competition, nationalism, ideology, identity narrative.

References

- Althusser L., Balibar E. *Reading Capital*. London: Verso, 2009. 384 p.
- Balayan A. A., Tomin L. V. Digital autocracy. Institutional specifics of relations between the state and IT companies. *Public policy*, 2020, vol. 4, no. 2, pp. 101–115. (In Russian)
- Bikbov A. *Grammar of order: A historical sociology of concepts that change our reality*. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2014. 432 p. (In Russian)
- Bhattacharya J. Digital Colonisation: India needs to shatter technology hegemony of West, China. *Outlook*, 01.09.2020. Available at: <https://www.outlookindia.com/website/story/opinion-digital-colonisation-india-needs-to-shatter-technology-hegemony-of-west-china/359635> (accessed: 25.10.2022).
- Capra F., Mattei U. *The Ecology of Law: Toward a Legal System in Tune with Nature and Community*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ., 2021. 328 p. (In Russian)
- Cardoso F., Faletto E. *Dependency and Development in Latin America*. Moscow, Institut Latin-skoi Ameriki RAN Publ., 2002. 220 p. (In Russian)
- Chakrabarty D. *Provincializing Europe*. Moscow, Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh" Publ., 2021. 384 p. (In Russian)
- Dardot P., Laval C. *The New Way of the World: On Neoliberal Society*. London, New York: Verso, 2017. 352 p.
- Diesen G. *Great Power Politics in the Fourth Industrial Revolution: The Geoeconomics of Technological Sovereignty*. London, New York: I. B. Tauris, 2021. 272 p.
- Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy: Defining rationales, ends and means. *Fraunhofer ISI Discussion Papers — Innovation Systems and Policy Analysis*, 2021, no. 70. 35 p.
- Europe's Third Way to Technological Sovereignty. A Critique*. Brussels: Transform! Europe. European network for alternative thinking and political dialogue, 2022. 41 p.
- Gerbaudo P. *The Great Recoil. Politics after Populism and Pandemic*. London, New York: Verso, 2021. 288 p.
- Gilman N. *Mandarins of the Future: Modernization Theory in Cold War America*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2007. 344 p.
- Gupta S., Sony R. Quest of Data Colonialism and Cyber Sovereignty: India's Strategic Position in Cyberspace. *Legal Issues in the Digital Age*, 2021, vol. 2 (2), p. 70–81.
- Kaul N. Rise of the Political Right in India: Hindutva-Development Mix, Modi Myth, and Dualities. *Journal of Labor and Society*, 2017, vol. 20, iss. 4, p. 523–548.
- Kinnvall C., Mitzen J. An introduction to the special issue: Ontological securities in world politics. *Cooperation and Conflict*, 2016, vol. 52, iss. 1, p. 3–11.
- Kirchanov M. V. The political language of Brazilian authoritarianism in the 1930s. *Ancient and New Romania*, 2022, vol. 29, pp. 8–24. (In Russian)
- Kirchanov M. V. Problems of state regulation of emerging markets in modern Brazilian economic theory. *Modern science*, 2011, vol. 1, pp. 71–73. (In Russian)
- Kirchanov M. V. Economics, development and inequality: The "Bresser-Pereirin" paradigm in the context of center-peripheral development problems in modern Brazilian economics. *Political transformations in Latin America*, 2013, vol. 14, pp. 16–22. (In Russian)

Krasilshchikov V.A. Deindustrialization in Brazil: Lessons for Russia. *Russia's economic revival*, 2018, vol. 3, pp. 46–62. (In Russian)

Lecourt D. *Marxism and Epistemology. Bachelard, Canguilhem, Foucault*. London, New York: Verso, 2015. 230 p.

Mitzen J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma. *European Journal of International Relations*, 2006, vol. 12, iss. 3, pp. 307–340.

Macdonell D. *Theories of Discourse: An Introduction*. New Jersey: Wiley-Blackwell, 1991. 156 p.

Moore-Gilbert B. *Postcolonial Theory: Contexts, Practices, Politics*. London, New York: Verso, 1997. 244 p.

Technology sovereignty: From demand to concept, Perspectives – Policy Briefs. Fraunhofer Institute for Systems and Innovation Research, 2020. 28 p.

Tomin L.V. The Relationship of the State and Corporations in the Age of “Platform Capitalism”. *Political expertise: POLITEX*, 2019, vol. 15, no. 4, pp. 483–496. (In Russian)

World Development Report 2020: Trading for Development in the Age of Global Value Chains. Washington, DC: World Bank, 2000. 293 p.

Wördsdörfer M. Ordoliberalism 2.0: Towards a New Regulatory Policy for the Digital Age. *Philosophy of Management*, 2020, vol. 19 (2), pp. 191–215.

Received: October 30, 2022

Accepted: December 2, 2022

For citation: Tomina L.V. Discussions about technological sovereignty: Analyzing conceptual differences and justification strategies. *Political Expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 22–35. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.102> (In Russian)